

С.С. Бодрунова

КОНЦЕПЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ И МЕДИАКРАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ПОИСК ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ

В статье исследуется происхождение и современные трактовки термина «публичная сфера». Обсуждаются три подхода к термину: структурно-функциональный, либеральный, медийный. Показывается траектория развития концепции публичной сферы в работах Ю. Хабермаса — от исторически-обусловленного «статуса публичного» до внеисторичной по своей природе посреднической системы демократической делиберации в рамках демократической политической системы. В работе суммируется проблематика, решение которой не найдено в структурном подходе; либеральные и медийные трактовки рассматриваются как критика структурно-функционального подхода. По итогам сравнения трех подходов выделяются критерии оценки демократического качества публичной сферы как зоны делиберации. Делается вывод о том, что наиболее критичный по отношению к публичной сфере медийный подход близок к «этимологической» концепции медиакратии, в которой СМИ признаются доминантным игроком в связке «политические акторы — СМИ — национальная аудитория».

Ключевые слова: *публичная сфера, делиберативная демократия, Юрген Хабермас, структурно-функциональный подход, критическая теория, медиакратия, медиадемократия, демократические индикаторы, качество демократии.*

Keywords: *public sphere, deliberative democracy, Jürgen Habermas, functionalist approach, critical theory, mediacracy, mediademocracy, democratic indicators, quality of democracy.*

Сегодня термин «публичная сфера» все чаще используется как в медийном, так и в научном российском дискурсе — иногда даже слишком часто и неоднозначно, что порождает необходимость еще раз вернуться

к нему и систематизировать подходы к его трактовке. Дискуссии о публичной сфере идут уже несколько столетий, и сам этот феномен много раз подвергался переопределению — как с точки зрения соотношения общественного/частного в социальной жизни (public-private debate), так и при взгляде на публичную сферу как на политико-коммуникативный феномен, играющий особую роль в оценке качества демократии. Однако до сих пор четко не описана связь дискурса о публичной сфере (во втором аспекте) с современной медиаполитологией, рассматривающей отношения журналистики и политики с похожих позиций. В данной статье намечается один из вариантов такого сопоставления.

Концепт публичной сферы пришел в англосаксонскую науку из немецкой. Есть версия, что впервые это случилось в 1964 г.: «public sphere» обнаружилась в словаре «Fischer Lexikon» (выпуск по массовым коммуникациям и публицистике, среди авторов — Э. Ноэль-Нойманн и У. Шульц). Выражение переключалось в журнал «Новая немецкая критика» («New German Critique») 1974 г., а в 1979 г. было повторено в одном из томов серии «Коммуникация и классовая борьба» (Kunelius, Sparks 2001: 16–17; Communication and Class Struggle 1979). В англоязычной и российской литературе часто считается, что данный термин ввел Ю. Хабермас, автор в том числе знаменитой книги «Strukturwandel der Öffentlichkeit» («Структурная трансформация публичной сферы») (Habermas 1962). Есть и другая версия: термин «public sphere» появился в переводах ранних статей Хабермаса, и перевод несколько исказил авторский смысл. Так, в 1974 г. Хабермас пишет энциклопедическую статью, в которой дает первое важное определение немецкого слова, близкого русскому «публичное/общественное»: «Под Öffentlichkeit мы понимаем в первую очередь область социальной жизни, в которой формируется то, что приближается к общественному мнению. Доступ (туда) гарантирован всем гражданам. Часть Öffentlichkeit происходит в каждом разговоре, в котором частные индивиды собираются с целью сформировать общественную ассоциацию» (Habermas 1974: 49). Ключевыми элементами Öffentlichkeit у раннего Хабермаса (в переводе на английский язык в 1989 г.) признаются «всеобщий доступ, достоверные источники информации, добровольное участие, рациональный спор и аргументация, свобода высказывания мнений, свобода обсуждать государственные дела, свобода участвовать (в обсуждении) вне институциональных ролей» (O'Donnell 2001: 41).

Далее дебаты о публичной сфере в англоязычной и немецкой литературе разнятся. Немецкие ученые выдвигают два постулата, важных для понимания развития научного дискурса о публичной сфере. Во-первых, немцы утверждают, что британский перевод термина неадекватен

тому смыслу, который Хабермас изначально вкладывал в это понятие. Во-вторых, в Германии существует богатейшая многовековая традиция осмысления феномена публичности (Kleinstüber 2001: Abstract). Эта традиция включает имена Канта, Гегеля и Маркса, которые, «хотя и не использовали слово *Öffentlichkeit*, все говорили о силе общественных дебатов и их трансформации в политическую критику» (Ibid: 100). В 2000 г. в Германии вышла коллективная монография под редакцией П.У. Хогендаля с обзором более чем двухсотлетней традиции дискуссий о публичности. В ней Хабермас упомянут только как историк публичной сферы, автор нормативного подхода к ее оценке и комментатор текущей политики, но не как человек, введший само понятие публичной сферы (*Öffentlichkeit... 2000*).

Хабермас заявляет, что немецкое слово XVIII в. *Öffentlichkeit* — аналог термина *publicité* в старофранцузском и *publicity* в английском (Habermas 1990a: 55f). Термин «*Öffentlichkeit*» происходит от средневекового немецкого «*offen*» («открытый»). В конце XVIII в. термин использовался для обозначения открытых общественных мест и процедур (Hölscher 1979). А «суть хабермасовского анализа — в описании изменений в Германии в эпоху Просвещения, когда ведущие философы, интеллектуалы, журналисты и творцы потребовали расширения этого типа *Öffentlichkeit* в том числе на политическое пространство» (Kleinstüber 2001: 96–97). В нарождающемся буржуазном обществе борьба шла за то, чтобы некоторые формы общественной жизни, например принятие политических решений, становились доступными для обсуждения всеми членами общества. Поэтому изначально Хабермас имел в виду не «публичную сферу» как пространство, а «публичность» или «статус публичного» — совокупность социальных действий/процессов, имеющих статус публичных в буржуазном обществе (Ibid: 97). Здесь коренится и понимание Хабермасом возвращения некоторым процедурам статуса частных и секретных как рефеодализации публичной сферы.

Но переводчики использовали словосочетание «публичная сфера» (в английском и русском языках) и «публичное пространство» (во французском языке) и тем самым ввели *пространственную метафору* для публичной сферы. Подчеркнем разницу между формой и содержанием — совокупностью действий, приводящих к формированию общественного мнения, и пространством, где эти действия происходят: последнее обладает собственной структурой и задает условия, в которых и формируется общественное мнение. Так, один из критиков Хабермаса К. Колхаун отмечает: «Публичная сфера — пространственная метафора для явления, в целом непространственного» (Calhoun 2003: 242). Такое (де-факто неточное) англосаксонское понимание закрепилось в большей части

литературы о публичной сфере. Если российская социология уже учла неточности перевода, то российская наука часто находится во власти пространственного мышления о публичной сфере.

**Структурный (структурно-функциональный) подход:
англоязычный Хабермас и его критика**

Данный подход репрезентирован Хабермасом, его последователями и его критиками, которые редко выходят за рамки «пространственного» понимания природы публичной сферы. Типичной здесь является такая цитата: «Канонический текст Хабермаса (1962/1989 г.) описал рождение пространственно-структурного аспекта публичной сферы (публичных сфер) по крайней мере в двух смыслах. Во-первых, рождение публичных сфер подняло вопросы критического (об)суждения вне феодализованных публичных площадок. Во-вторых, экспансия публичности ввела новые общественные места (кофейни, салоны и т. д.) как площадки для критического (об)суждения». Первоначально это «понимание новых площадок как единой «сферы» возникло в рамках действия четко определенных структурных сил капитализма. Позже обстоятельства, созданные самим этим капитализмом, сделали эти нововведения немодными» (Heikkilä, Kunelius 2006: 64–65). «По мере того как буржуазное общество (в терминах Маркса — класс буржуазии) набирало экономическую силу, оно использовало развитие публичной сферы как инструмент давления на феодальный класс, который контролировал основную часть государственного аппарата того времени» (Kleinstüber 2001: 100).

Нельзя забывать об этой (меж)классовой составляющей публичной сферы. Об этом говорит, например, парадоксальный опыт США в конструировании публичной сферы. Теоретики не обсуждали межклассовую перспективу, и в итоге из обсуждения публичной сферы оказались исключены все классы, кроме среднего класса. «Особое, классово-ориентированное понимание публичной сферы [в США. — С. Б.] маргинализировало или исключало интересы рабочего класса... Концептуализация публичной сферы развивалась с учетом среднего класса... и в реальности была проектом для среднего класса» (Hardt 1996: 7).

С течением времени в теории Хабермаса происходит фундаментальный поворот. Его прежнее понимание публичной сферы базировалось на понятии *Lebenswelt* (в английском переводе — «lifeworld») — «жизненный мир», доступный для познания несколькими субъектами и понимаемый как самоочевидная реальность. Корни термина — в немецком протестантизме; он также разрабатывался Э. Гуссерлем. Хабермас в «Теории коммуникативного действия» понимал его как личный ког-

нитивный горизонт человека, постоянно развивающийся персональный эмпирический фон: повседневные компетенции, практики, аттитюды. Публичное существовало в этих рамках, но могло быть рационализировано и даже колонизировано бюрократией. Но в более поздних работах Хабермас четче разделяет «жизненный мир» и политическую публичную сферу (Ward 2001: 79), что приводит его к теоретизированию некоторых ключевых аспектов демократии. И здесь Хабермас совершает попытку найти «третий путь» в давнем споре теоретиков демократии — споре между либералами и республиканцами/коммунитаристами. По выражению Б.В. Маркова, «Хабермас предпринял попытку спасти либеральный проект, встроив в него этику» (Марков 2001: 14) и сблизив его с коммунитаристским, больше учитывающим роль коммуникации и направленным на поиск солидарности на основе общих ценностей (The European Union... 2007: 6–7) и «одного и того же морального голоса» (Etzioni 1997). В своем поиске Хабермас опирался на понимание политического как неангажированного/нейтрального, понимание, встреченное им в работах Д. Ролза.

В 1990-е гг. Хабермас приходит к двум, на наш взгляд, важным новым положениям своей политической теории. Во-первых, он приходит к пониманию внеисторического аспекта тех сил, которые порождают публичную сферу. «Теория коммуникативного действия помещает ее [публичную сферу] в трансисторическую, развивающуюся способность [человека] к коммуникации или способности суждения, понимаемую intersубъективно» (Calhoun 1992: 32). Во-вторых, Хабермас приходит к пониманию сетевой природы коммуникации и роли информационных потоков внутри публичной сферы: «Публичная сфера... может быть лучше всего описана как сеть, передающая информацию и точки зрения...; потоки коммуникации в процессе [коммуникации] фильтруются и синтезируются так, что сливаются в узлы или тематически ограниченные общественные мнения... Публичная сфера воспроизводится путем коммуникативного действия» (Habermas 1996: 360). Таким образом, в теории Хабермаса общественное мнение становится продуктом коллективной коммуникативной деятельности, рационально и этически направленной на достижение согласия, или *консенсуса*. В хабермасовском и схожих подходах середины 1990-х (Democracy and Difference... 1996) развивается понимание делиберативной демократии как демократии выбора путем разумного обсуждения и достижения консенсуса. Базовым условием для такой делиберации становится «использование разумной аргументации свободными и равными гражданами. [Роль публичной сферы] в том, чтобы создавать разумно-критическую делиберацию, свободную от государственных и корпоративных интересов, обес-

печивающую политическое вовлечение и направленную на понимание и согласие, разумное и рефлексивное» (Karppinen et al. 2008: 9).

Новое определение публичной сферы, данное Хабермасом в 2006 г., по-иному связывает публичную сферу с дуалистической моделью делиберативной демократии: «Представьте себе публичную сферу как посредническую систему коммуникации между формально организованными и неформальными, идущими лицом к лицу обсуждениями на аренах, расположенных и наверху, и в самом низу политической системы» (Habermas 2006: 10). Хабермас и позднейшие теоретики создают спиральную схему демократической коммуникации, отличающуюся от схемы «коммуникатор — канал — аудитория», принятую в теории коммуникации (в том числе политической коммуникации). Спираль делиберации состоит из замкнутых локальных актов циркуляции политической власти, причем начинается спираль снизу, с формирования общественного мнения, а не сверху, с принятия решения (см. рис. 1). Такая позиция позволяет Хабермасу наследовать традиции «коммуникативной концепции политики» Х. Арендт и К. Дойча (СМИ и политика 2007: 26).

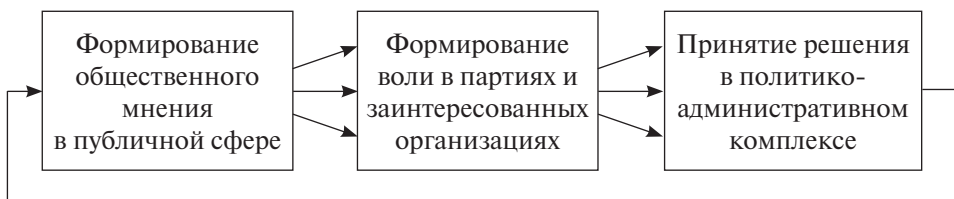

Рис. 1. Циркуляция политической власти
[Источник: *The European Union...* 2007: 6.]

Такой подход представляется критикам теории коммуникативного действия идеалистичным. Некоторые последователи Хабермаса, преодолевая идеалистичность, пошли по пути определения того, что публичная сфера *делает* (вместо того, *что* она собой представляет). Так, финские критики Хабермаса отмечают, что существует постоянное напряжение между *структурными*, предварительно заданными условиями сфер, которые мы называем публичными, и *прагматическими* вопросами о качестве действий в этих сферах. Эти два аспекта друг друга обуславливают; концепция того или иного публичного пространства создает нормативную перспективу коммуникации, в том числе политической. Придание слишком большой роли одному из аспектов мешает понять поведение субъектов делиберации (Heikkilä, Kunelius 2006: 64), или же публичная сфера переводится из плоскости объективно существующей

реальности в плоскость психологическую. Так, идея Ч. Тейлора состоит в том, что публичная сфера — одна из ключевых *социальных воображаемых реальностей* (social imaginaries), т. е. коллективная форма понимания социальной действительности, гнездящаяся в бытовом сознании людей. Такие воображаемые реальности обладают серьезной силой, поскольку их разделяют большие группы людей, они задают социальные практики и обладают социальной легитимностью. Тейлор определяет публичную сферу как экстраполитическое, секулярное, метатопическое пространство, выступающее, однако, как социальный и даже политический институт (Taylor 2004: 23–30).

В рамках структурного (структурно-функционального) подхода выделяют следующие функции публичной сферы:

1. Давать примеры форм политической публичности. Например, Х. Ниеминен предполагает, что «следует анализировать формы политической публичности: кто наделяется представительским статусом и как избираются эти люди, каковы процедурные условия для обоснованных общественных заявлений и, наконец, каковы проявляющиеся социальные отношения и как контролируется процесс общественной медиации» (Nieminen 2000: 173).

2. Демократические функции, т. е. функции обеспечения буржуазно-демократического политического режима. «Публичная сфера обладает нормативным статусом и считается тем местом, внутри которого государственные дела могут подвергаться постоянной общественной проверке (public scrutiny)» (Kunelius, Sparks 2001: 11), поскольку «если политика исчезнет из общественных мест, она будет идти за закрытыми дверями, а это подвергнет опасности легитимность и саму жизнь политической системы» (Kantola 2001: 64). Ю. Красин выделяет четыре базовых демократических функции публичной сферы: артикуляция общественных интересов, публичный контроль деятельности власти, влияние на формирование государственной политики, политическое просвещение (Красин 2005: 16–32). При этом все эти функции требуют от публичной сферы высокой степени развития (СМИ и политика 2007: 36–38). Как показывает история, не демократические механизмы создают публичную сферу, а наоборот: публичная сфера — предтеча и катализатор демократии (Kunelius, Sparks 2001: 11). Это хорошо видно на примере общеевропейской публичной сферы, «где центральная проблема демократии должна рассматриваться в русле формирования сфер участия и признания» и еще две задачи таких сфер — «продвигать нормативные правила в обществе, а также предоставлять основания для политической культуры, необходимой для коллективного правления путем гарантирования всем гражданам права распространять и получать информацию

и через это... участвовать в демократическом процессе» (Ward 2001: 78). Есть и противоположный взгляд: в частности, Г. Алмонд и С. Верба, разделяя политические культуры на «подданнические» и «партиципаторные» («участнические») (Алмонд, Верба 1992), позволяют предположить, что степень развития публичной сферы (публичных сфер) в обществе зависит от традиционной политической культуры, а не наоборот. Мы считаем, что эти формы политической жизни находятся в постоянном связанном развитии.

3. Функции внутри демократического режима: давать механизмы обретения политического капитала и определять, кто будет у власти, т. е. быть *источником власти*: «...публичная сфера и общественная дискуссия играют также важную роль в политической системе, будучи источником политической власти. В либеральных демократиях политика также понимается как общий, но противоречивый язык дебатов и комплекс действий вокруг центрального вопроса — вопроса власти» (Furet 1981: 26).

Функции 2 и 3 говорят нам о республиканской традиции публичности, заложенной еще в Риме через понимание государства как *res publica*. Однако в немецком языке *Öffentlichkeit* не имеет таких коннотаций, и первоначальный анализ Хабермаса не касался вопросов демократизации, выходящей за пределы буржуазной страты. Его работы о делиберативной демократии появились много позже (Habermas 1992a; Habermas 1992b: 421–461).

Критика Хабермаса и вопросы, не решенные в структурном подходе

Часто оппозицией подходу Хабермаса считается позиция Никласа Лумана. Он высказал «скепсис о возможности формирования гибкой публичной сферы, поскольку сомневается в гибкости дискурсов как базовой составляющей публичной сферы» (Kleinstüber 2001: 101; Luhman 1990). Другие ученые высказывают претензии к отдельным частям теории Хабермаса, в том числе по следующим вопросам:

Публичная сфера: реальная или идеальная? Широко обсуждалась историческая точность примеров Хабермаса, и постепенно сложилось мнение, что публичной сферы в ее идеальной форме никогда не существовало (Cunyan 1991), а реальные публичные сферы строились на систематической дискриминации по классовому, расовому и половому признаку (Fraser 1992). Критикуют и позицию Хабермаса относительно рефеодализации публичной сферы государством и частным сектором в XX в., поскольку «коммерческая пресса и общественное вещание, как утверждают многие ученые, сделали публичную сферу как раз гораздо более доступной, чем в любой, даже воображаемый, классический пе-

риод» (Kunelius, Sparks 2001: 11), и хотя эффекты развития медиасистем спорны, развитие СМИ бесспорно включило гораздо более широкий слой населения в политический процесс (Le Mahieu 1988; Scannell 1989).

Публичная сфера: одна или много? Подвергается сомнению единство и единственность общей публичной сферы. Даже если изначально публичная сфера была единой, с течением времени она дробится (Keane 1995). На каком уровне признавать публичную сферу: на самом общем? На уровне одного политического течения, которое тоже представляет собой модель микросферы? Но такие группы могут быть закрыты для окружающих, а публичная сфера предполагает участие всех без ограничений — только так может формироваться адекватная политическая воля от имени всех. Но есть и исключение: случай, когда публичная сфера формируется одной силой, у которой в руках наибольшая власть (Kunelius, Sparks 2001: 12), и при этом формально граждане могут принимать участие в дискуссиях. Предполагается поэтому, что буржуазная публичная сфера уже сама по себе механизм не включения, а исключения определенных социальных групп. Созданы модели множественных публичных сфер, поскольку в единой публичной сфере равное участие всех невозможно в силу социальной дискриминации, которая как раз и налагается единством этой публичной сферы, т. к. в публичной сфере нет альтернативных пространств для дискуссии, и доступ в публичную сферу не равен для всех; эта идея интенсивно развивается в критических работах с начала 1970-х гг., как видно из одной из ранних работ (Negt, Kluge 1993). На разных уровнях общества требуется создание отдельных публичных сфер (Heikkilä, Kunelius 2006: 65; Fraser 1992), возникающих под влиянием чувства исключенности из «большой» публичной сферы. Наличие альтернативных арен предполагает наличие альтернативных СМИ, что развивает идею о микросферах публичности (O'Donnell 2001: 41). Концепция «публичных контрсфер», предполагающая, что это сферы общественных организаций и социальных движений, завоевала науку в 1980-е гг., после массовых протестных и альтернативных движений, прежде всего в США. Это было связано с политическими (глобализация и ее критика), технологическими (информационно-коммуникативные технологии и их воздействие) и социальными факторами — а именно, снижением социального доверия и кризисом общественной коммуникации, с одной стороны, и перетеканием политических функций к НКО, с другой (Wimmer 2005: 94–95). Снижение социального доверия приводит к нестабильности базовой публичной сферы, и возникает потребность в альтернативе: закладываются основы символической конкуренции публичных сфер. Развитие контрсфер зависит от формы

политического участия (сетевой или индивидуально-стилевой) и критического объема политического капитала, который позволит контрсфере пробить брешь в базовой публичной сфере (Fenton, Downey 2003: Abstract).

У контрсфер всегда есть элементы, основанные на работе СМИ. Для контрсфер СМИ — способ эмансипации граждан в дискриминирующем их сообществе и создания собственного аутентичного дискурса (Wimmer 2005: 95–96). В такие элементы контрсфер с начала 1970-х включались информационные пункты, книжные магазины, альтернативная пресса, радиостанции. Там формировались альтернативные концепции жизни и стиля жизни, а также аудитория, независимая от основной массмедийной системы, поскольку для них была создана собственная инфраструктура коммуникации. Некоторые ученые даже редуцируют контрсферы до 1) совокупности альтернативного медиаконтента и 2) альтернативных медиапрактик, которые становятся частью общественного (политического движения). Но контрсфера — это еще и совокупность социальных практик, укорененных в альтернативных жизненных концепциях (Ibid: 97). Контрсфера — одновременно стратегия, стиль жизни, социальный процесс и совокупность контента. Примером контрсферы может быть феминистское радио и проекты вокруг него (Mitchell 1998).

Появление контрсфер способствует *фрагментации* базовой публичной сферы (Sassi 1996). Особенно это заметно на примере киберсреды. Некоторые теоретики обратились к оценке интернет-коммуникаций как среды для сильной дискуссионной или радикальной демократии. Однако уже в 1990-е гг. появилась и уничтожающая критика этого подхода. Например, М. Постер считает, что на арене электронной политики концепция публичной сферы постоянно теряет основания, поскольку рациональность в коммуникации — основа хабермасовского видения, но рациональный субъект коммуникации превращается онлайн в децентрализованного субъекта: его статусы как субъекта отторгаются от материальной составляющей, а сама его идентичность постоянно множится и рассеивается в разных коммуникативных средах (Poster 1995; 1997: 209), проходя через лишение места (dislocation), лишение тела (disembodiment) и фрагментацию и децентрацию субъекта через установку разных идентичностей в разных киберпространствах (Dahlberg 2001: 86–88). Другие ученые (Doheny-Farina 1996; White 1997) также высказывают мнение о негативном влиянии интернет-коммуникации на политическое и гражданское участие. Но радикальная точка зрения Постера не поддерживается эмпирическими результатами исследований. Так, работы (Scheufele 1999; Margolis, Resnick 2000) и исследование Л. Дальбер-

га показывают, что Интернет меняет информационную интеракцию, но результирующее взаимодействие не является «радикально гиперреальным», и «эти изменения могут быть приняты во внимание концепцией публичной сферы» (Dahlberg 2001: Abstract). Так, Дж. Строммер-Гэлли из Анненбергской школы коммуникации вела исследование лиц, не имеющих поведенческих паттернов, включающих «оффлайновые» дискуссии о политике, но ведущих беседы о политике онлайн. Такая дискуссия приносит ее участникам удовольствие: она снимает барьеры, существующие в личном общении, и дарит собеседникам возможность услышать мнение, отличное от их собственного (Stromer-Galley 2002: 38).

Еще одна форма переосмысления базовой публичной сферы — учет сетевой формы общественного объединения. В частности, социологи, изучающие социальные сети, утверждают, что Хабермас говорил о демократии в условиях усложняющегося общества, в частности приводя в пример работу Хабермаса «Between Facts and Norms» (Habermas 1996), где вопрос общественной сложности поставлен для нескольких уровней общества. Сетевая форма, как считают ученые, это сердце той сложности социума, которую трудно проследить; помимо этого, экономическая, политическая сфера, гражданское общество — все они организованы по сетевому принципу, и структура публичной сферы, основанная на индивиде, должна быть пересмотрена. Признание сетевых структур элементом публичной сферы поможет понять механизмы формирования общественного мнения между несколькими сферами (Friedland et al. 2006: 5–6).

Массовое или публичное? На различие и необходимость разграничения «массового» и «публичного» указал еще Ч.Р. Миллс в заключении к книге «Структурная трансформация публичной сферы» в издании 1989 г. Как известно, проблема сопоставления этих понятий дискутируется в гуманитарной науке как минимум с 1930-х гг., и в теории Хабермаса не решен вопрос о том, препятствует ли массовая культура развитию политического участия.

Для кого публичная сфера существует? В эпоху свободного рынка публичная дискуссия все больше видится как стратегия, цель которой — убедить рынок. Так что общественная дискуссия трансформируется в фасад, а сообщение направлено на рынки, а не на граждан (Kantola 2001: 64). А рынки, особенно международные финансовые рынки, часто получают разрешение ограничивать общественную дискуссию и цели обсуждения.

Каковы границы публичной сферы и кто их должен проводить? Во-первых, проведение таких границ зависит от социальной позиции смотрящего. Например, с перспективы пролетариата общественная сфера кон-

ституируется совсем не так, как с точки зрения буржуазии (Negt, Kluge 1993). Теоретики указывают, что в рамках данного политического режима избранные объекты социальной жизни практически «назначаются» принадлежащими публичной или частной сфере; границы между частным и общественным — предмет исторической борьбы и пересмотра (Koivisto, Väliverronen 1996). Еще одно измерение этой тематики касается так называемой политической культуры секретности и ее необходимых границ, поскольку иногда «публичный статус наносит ущерб текущей деятельности и обязанностям политиков» (Kantola 2001: 65). Но когда общественные интересы противоречат интересам отдельных политических групп, наблюдается борьба за приватизацию общественной тематики или отказ от делиберативных механизмов. Совокупность таких политических паттернов ученый А. Шедлер называет антиполитикой, причем антиполитика может быть двух видов. Во-первых, это утверждения о том, что политика не может выполнять своих функций, нацеленных на разрушение или отмену политических решений и «схлопывание» публичной сферы. Во-вторых, это идеи из других сфер деятельности, привнесенные в политику ради колонизации публичной сферы (Schedler 1997: 14). Изучение политических процессов во время финансового кризиса 1990-х гг. в Финляндии показывает, что антиполитические идеологии имеют антиобщественный характер. Теория же Хабермаса строится на предположении, что все участники делиберативного процесса разделяют стремление к открытости и понимают значимость делиберации. Такое утверждение не учитывает большого круга «антиполитических» явлений.

Разумность и рациональность (reason and rationality) против интереса и эмоциональности (interest and passion) в публичной сфере. Финские ученые уверены, что «упор на рациональность в классических формулировках хабермасовской теории резко неадекватен насущной реальности общественного дискурса... Интерес и страсть... не только присутствуют на практике во всех существующих политических ситуациях, но и не предоставляют серьезных оснований для их исключения» (Kunelius, Sparks 2001: 14).

Что первично: дискуссия или действие, вопросы повестки дня или действующие акторы, сфера или публика? Еще один пункт в критике теории Хабермаса — соотношение в ней дискуссии и политического акта и связанного с ним понимания термина «общественность» (the public). У Хабермаса (у его переводчиков) упор делается на пространственную сторону процесса делиберации. Однако сама идея публичности предполагает четкое качество действия в рамках публичной сферы, как уже говорилось выше. Теоретизацию роли публичного действия можно проследить

еще с первых этапов прагматической философии и символического интеракционизма. Публика формируется, когда проблематизируется какой-либо вопрос повестки дня, и состоит из людей или групп людей, взгляды которых на пути решения проблемы не совпадают. Ранние прагматики, например Дж. Дьюи в 1927 г., указывали, что ничто не гарантирует демократическую репрезентативность таких публик. Однако спустя 60 лет Хабермас обобщает: требование аргументированности, встроенное в любой акт коммуникации, может служить моделью для общих критериев идеально рационального общественного обсуждения. Но на европейском уровне сегодня, например, не воплощается идеал публики, который Хабермас заложил в свое понимание публичной сферы, и строится сегодня публичная сфера в Европе именно как сфера (условия для), а не как публика, хотя усилия к этому прилагаются. И если интерпретировать понимание общественности, как оно дано у Хабермаса (Habermas 1990b: 33), в узком смысле, то пока Европу нельзя назвать демократией, поскольку общим органам правления не противопоставлена критическая и политизированная общественность.

Либеральный подход к трактовке концепции публичной сферы

Данная модель рассмотрения публичной сферы укоренена в политических исследованиях и отличается от структурной в нескольких аспектах, хотя модели имеют и неизбежные сходства. Оба подхода считают публичную сферу промежуточной или посреднической системой, соединяющей базу и верх политической системы, или, в терминах Хабермаса, частных и коллективных акторов политической периферии с политическими институтами центра политического поля (Gerhards 1997). Во многом либеральная модель опирается на кратко описанную выше критику идей Хабермаса. Во-первых, вопрос о публике, общественности выходит для либеральных мыслителей на первый план, и они проводят границу между подходами по отношению к самому типу общественности, различая дискурсивную и либеральную публику (Schulz 1997: 57). Поэтому они по-разному оценивают роль политических акторов, прежде всего групп давления и групп интереса. «В либеральной модели организованные коллективные акторы, такие как группы давления и политические партии, доминируют в публичной сфере и предоставляют политическому центру входные данные для принятия решений... Они отражают разнообразие интересов в плюралистическом обществе» (Ibid: 58).

Еще одно различие между двумя моделями касается стиля публичной коммуникации. В либеральной модели вся коммуникация и действия всех акторов приемлемы до тех пор, пока уважаются взгляды дру-

гих акторов, имеющих другие мнения; Хабермас весьма требовательно относится к стилю коммуникации в обществе. Он ожидает, что взгляды и позиции будут рационально-причинно аргументированы и консенсуально-направленны, что будет залогом легитимации политического решения. Но либеральная модель считает, что общественное мнение состоит из агрегированных индивидуальных мнений, и мнение большинства не имеет особого качества и не заслуживает придания ему большего значения, чем мнение меньшинства — вплоть до индивидуального голоса. При этом неважно, базируется ли какое-либо из этих мнений на рациональном дискурсе (Gerhards 1997; Schulz 1997: 58). Поэтому основное различие между двумя подходами пролегает по трактовке значимости индивидуального мнения в рамках общего процесса делиберации. Так возникает наиболее радикальная критика консенсусного подхода к публичной сфере. Одна из наиболее известных альтернатив Хабермасу в демократической теории — это работы Шантай Муфф (Mouffe 1993; 2000; 2005) и ее коллег. Муфф, придерживающаяся, однако, не либеральных взглядов, а близких к социалистическим, критикует консенсусную демократию за нереалистичность и создает радикально-плюралистическую теорию, которая помещает в центр не коммуникацию, а вопрос борьбы за власть, при этом движущей силой этой борьбы считает коллективные страсти. Эта линия мысли — о «конкурирующей политике» — тоже нашла сторонников: «публичная сфера — место политической борьбы, где разные политические силы конкурируют путем формулирования и определения идеологий и воображаемых реальностей» (Kantola 2001: 64). Финские критики характеризуют позицию Муфф как «онтологический атомизм... резонирующий с идеями постмодернизма»: исходя из работ М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотара тоже можно утверждать, что упование на коммуникативный разум неизбежно приведет к сохранению существующего status quo и будет поддерживать уже сложившиеся зоны социального неравенства (Karppinen et al. 2008: 8–9). Муфф высказывает скепсис по поводу веры в рационализм — и, более того, в необходимость и пользу «поиска финального рационального решения» (Mouffe 2000: 93). Ее проект строится как попытка принять в качестве исходной точки для строительства публичной сферы реальное комплексное состояние общества с его плюрализмом и противоречиями, нередуцируемым плюрализмом ценностей. Поэтому цели делиберативной демократии — генерировать рациональный консенсус и социальное единство — трактуются как односторонние и неизбежно ведущие к исключению некоторых акторов из политического процесса: в реальных условиях любая попытка рационального консенсуса не просто утопична, а даже опасна, а «любой консенсус следует рассматривать

как временную гегемонию или мгновенную стабилизацию власти» (Karppinen et al. 2008: 10). Муфф пишет, что «вера в возможность общего рационального консенсуса повернула демократическое мышление на неверные рельсы», и требует от теоретиков продумать создание «агонистической» «публичной сферы борьбы, где разные гегемонические политические проекты могут быть противопоставлены друг другу» (Mouffe 2005: 3). Ведь именно в сфере политической борьбы кроются возможности демократизации (Mouffe 1993: 145).

Таким образом, либеральный подход сегодня уже сформировал конкурирующую с хабермасовской трактовку публичной сферы, и эта трактовка видит публичную сферу много более плюралистичной (Brady 2004; Dahlberg 2005). Возникают и смешанные концепции: так, авторы 2000-х серьезно меняют оценку роли консенсуса в делиберативном процессе, и в их работах теория делиберативной демократии выходит за пределы конструкции, ориентирующейся только на аргументацию и консенсус (Dryzek 2000; Young 2002; Mansbridge et al. 2006). Дж. Дрыжек и С. Нимайер предложили концепцию метаконсенсуса (Dryzek, Niemeyer 2006), которая описывает консенсус нескольких равно легитимных позиций.

Медийный подход к концептуализации публичной сферы

Проблематика анализа в рамках данного подхода строится вокруг роли СМИ в строительстве и функционировании публичной сферы. К формированию этого подхода приложили руку в том числе самые видные медиатеоретики. Одно из определений публичной сферы дает британец Д. Маккуэйл. Приведем фрагменты: «Публичная сфера — концептуальное “пространство”, существующее в обществе за пределами непосредственного круга частной жизни и стен включенных в нее институтов и организаций, которые преследуют свои (хотя иногда и общественные) цели. В этом пространстве существует возможность для общественного объединения и обсуждения... Медиа сегодня, вероятно, являются ключевым институтом публичной сферы, и ее “качество” зависит от качества СМИ... Некоторые структурные тенденции в СМИ, включая концентрацию, коммерциализацию и глобализацию, могут нанести вред публичной сфере» (McQuail 2005: 566). Это определение представляется нам пограничным между структурной и медийной теориями и показывает, что медиа — основной структурный элемент публичной сферы. Именно это иногда позволяет ученым сводить публичную сферу к сфере публичного дискурса в СМИ.

Медийный подход развился несколько позднее двух других; зато его рождение было быстрым и шло параллельно развитию телевидения и новых форм коммуникации, хотя первые работы, делающие упор на

роли СМИ в процессах делиберации, появились еще в 1970-е гг. (Hohendahl 1979). Этот подход развивали в основном теоретики массовой коммуникации: см., напр. (Blumler 1990; Schoenbach, Becker 1995; Mancini, Swanson 1996). Как утверждает Х. Хардт, «научное восприятие хабермасовского мыслительного конструкта “публичная сфера” выросло в целую индустрию» (Hardt 1996: 8), и в ней появился ряд работ о возможностях переосмысленной, современной публичной сферы (Fraser 1990; Peters 1993). Постепенно ведущая роль СМИ стала краеугольным камнем нового взгляда 1990-х на публичную сферу и на необходимость анализа роли СМИ в политическом процессе: из самых ранних назовем работы рубежа 1980-1990-х гг. (Dahlgren 1987; Garnham 1990; *Democracy and the Mass Media...* 1990; Curran 1991; Keane 1991; Peters, Cmiel 1991).

Несмотря на лестное для журналистов наименование, медийный подход резко критичен: он описывает в основном упадочные явления в публичной сфере и причинно-следственно связывает такие две тенденции, как изменения в работе системы СМИ и потеря доступа к политическому процессу. Так, многие из указанных работ настаивали, что существует связь между спектром политической беспомощности, социальной маргинализации и растущего отчуждения... и функционированием коммуникации и роли СМИ в современных индустриализированных обществах» (Hardt 1996: 8). Постепенно теоретики публичной сферы пришли к пониманию системного кризиса общественной коммуникации, назревшего в медиатизированной публичной сфере (Blumler, Gurevich 1995). «Ярлык, который часто применяют к описанию этой модели, звучит как “медийно-сконструированная публичная сфера”; этот ярлык отражает характеристики и суть подхода вполне адекватно» (Schulz 1997: 58). Безусловно, этот подход обладает редукционистским характером, т. к. сводит проблематику общественного дискурса на уровень обсуждения роли СМИ в политической сфере, забывая о других важных измерениях публичного дискурса, например, о классовой или гендерной перспективе. В этом отчасти виноват сам Хабермас: его работы предполагают такой редукционизм, однако он сам прекрасно осознавал упрощение схемы исследования, чего часто нельзя сказать о работах медийного подхода.

Различия в подходах проанализированы Ю. Герхардсом (Gerhards 1997) и дополнены У. Шульцем. Как пишет Шульц, «наиболее важным отличием является мнение о том, что СМИ считаются предпосылкой, первичным условием развития публичной сферы. Хотя существуют некоторые арены, где люди взаимодействуют, обмениваясь информацией и мнениями (кофейни, клубные встречи, партийные мероприятия), значимость и релевантность этих взаимодействующих аудиторий для формирования публичной сферы намного меньше, чем релевантность

аудиторий СМИ, выстроенных массовой коммуникацией» (Schulz 1997: 58) — в выборные периоды (Allensbacher Jahrbuch...1993: 699) и в ежедневной оценке текущих событий (Schulz, Blumler 1994: 212; Semetko, Schoenbach 1994: 73, 78; Schulz 1997: 58, 60). Преобладание влияния медийной информации над влиянием реальных интеракций формулируется в гипотезе о медиазависимости аудитории. СМИ также получают контроль над трансформацией дискуссионных аудиторий в единую медийную аудиторию путем селекции событий для освещения. Выполняя функцию привратника (gatekeeping function), они решают, какие из событий, акторов, вопросов повестки дня войдут в публичную сферу, формируя ее и «форматируя» публику под медиаформаты. Дж. Уиммер указывает, что именно так формируется современная европейская публика — «в рамках формирования евроидентичности, которая, в свою очередь, конструируется, обсуждается и меняется преимущественно посредством массмедиа» (Wimmer 2005: 94). Однако именно европейский опыт строительства публичной сферы практически с нуля показывает в том числе ограниченность медийных возможностей по созданию общей публичной сферы на многоязычном и мультикультурном географическом ареале. Уиммер связывает неудачу Европы в строительстве общей дискуссионной сферы с тем, что медиа Европы не преуспели в трансляции ценностей единой евроидентичности.

Суммируя различия в подходах, У. Шульц приходит к трем моделям публичной сферы (табл. 1).

Таблица 1

Три модели публичной сферы

Критерии	Факторы	Дискурсивная аудитория	Либеральная аудитория	Сконструированная СМИ аудитория
Входные данные	Актеры	Индивидуальные или коллективные актеры гражданского общества	Коллективные актеры	СМИ как привратники, пропускающие в публичное поле действующих лиц и коллективных акторов
	Репрезентация акторов	Доминирование акторов гражданского общества	- равный доступ для всех акторов; - отражение предпочтений граждан	Актеры, отобранные и медиатизированные по новым критериям и для разных медийных форматов

Критерии	Факторы	Дискурсивная аудитория	Либеральная аудитория	Сконструированная СМИ аудитория
Общественные коммуникации	Стиль коммуникации	В процессе коммуникации: - делаются отсылки к мнению других акторов; - приводятся причины; - задействован высокий уровень рациональности	Все коммуникации и акции приемлемы, пока они уважают интересы других акторов с отличными мнениями	Упор на аспекты, вписывающиеся в критерии новостей и медийные форматы, например, элитарность, персонализация, негативизм, драматизм, конфликт, эмоциональность
	Роль СМИ	Платформа для индивидуальных или коллективных акторов, общественный манипулятор	Часть посреднической системы	Производители публичной сферы
Системные результаты	В публичной сфере	Консенсус или мнение большинства на основе аргументов	Общественное мнение как коммуницируемое мнение большинства, сформированное посредством агрегации индивидуальных коммуникативных актов	Общественное мнение как медийный конструкт
	В политической системе	- легитимность решения; - строительство сообщества посредством дискурса	Отбрасывание вопросов повестки дня, по которым не может быть достигнут консенсус	- фрагментация; - политический цинизм, отчуждение, упадок политического доверия, «теле-недуг» (video malaise), упадок социального капитала

[Источник: Schulz 1997: 59].

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы. С точки зрения политического участия, структурно-функциональный подход предполагает 1) наибольшую степень *вовлеченности акторов* в делиберацию (которую можно назвать *делиберационной вовлеченностью*); 2) наибольшую степень *совокупной рациональности* всех акторов; 3) относительную *гомогенность акторов и их равноправие* по критерию влияния друг на друга. Именно эти три критерия могут быть положены в основу оценки демократического качества публичной сферы. Однако важно помнить, что каждая из моделей имеет методологические ограничения. Так, структурно-функциональный подход наиболее теоретичен и далек от политической реальности, в которой массмедиа приобрели решающую роль в формировании делиберационных спиралей, влияющих на социальный выбор граждан и общественный контроль работы политических институтов. Медийный подход развивается в русле критической парадигмы и оценивает шансы публичной сферы на конструктивное производство смыслов наименее высоко. В частности, чем большую роль исследователи отдают СМИ, тем больше негативных эффектов от работы СМИ отмечается в исследованиях. Но именно медийный подход позволяет связать два доселе не связанных подхода к оценке роли СМИ в демократическом политическом процессе: делиберационную теорию и теории медиакратии (Бодрунова 2009; Vodrunova 2010). Медийный подход к трактовке публичной сферы близок «этимологической» теории медиакратии (Vodrunova 2010: 5–19), в которой «система СМИ признается автономным и самым важным игроком в публичной сфере» (Бодрунова 2009: 99). Таким образом, публичная сфера, описываемая теоретиками медийного подхода, теряет свои идеальные свойства, приписываемые ей структурно-функциональным подходом, и становится одним из вариантов деформации медиадемократии — демократического баланса интересов и влияний в связке «политическая сфера — СМИ — национальная аудитория». Как ясно и из корпуса работ медийной интерпретации публичной сферы, и из корпуса работ о медиакратии, противостоять такому искажению может только стремление всех акторов к балансу интересов и влияний. Этому может способствовать как раз повышение индикаторов, которые мы выделили для оценки демократичности публичной сферы, — показателей вовлеченности граждан в политическую дискуссию, равноправия сторон делиберативного процесса и рационального, транспарентного и имеющего открытую финальность политического дискурса.

Литература

Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильные демократии // Политические исследования. 1992. № 4. [<http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81534>].

Бодрунова С.С. Медиакратия: атлантические подходы к определению термина // Медиафилософия II. По материалам Второй международной научной конференции «Медиафилософия. Границы дисциплины», 21–22 ноября 2008 года / Под ред. Савчука В.В., Степанова М.А. СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2009. С. 91–105.

Красин Ю. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // Публичная политика в России. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

Марков Б.В. В поисках другого: предисловие // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Под ред. Скляднева Д.В. СПб.: Наука, 2001. С. 5–44.

СМИ и политика / Под ред. Реснянской Л.Л. М.: Аспект Пресс, 2007.

Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie 1984–1992 / Hrsg. v. Noelle-Neumann E., Köcher R. München, 1993.

Blumler J., Gurevitch M. The Crisis of Public Communication. London, 1995.

Blumler J.G. Elections, the Media and the Modern Publicity Process // Public communication. The new imperatives. Future directions for media research / Ed. by Ferguson M. London/Beverly Hills, 1990. Pp. 101–113.

Bodrunova S. Mediocracy or Mediademocracy? On some conceptual approaches to interaction of journalism and politics in established democracies // ZDES Working Paper Series. St.Petersburg, 2010.

Brady J. S. Assessing the Agonistic Critiques of Jürgen Habermas's Theory of the Public Sphere // Philosophy & Social Criticism. 2004. Vol. 30. No 3. Pp. 331–354.

Calhoun C. Introduction // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Calhoun C. Cambridge, 1992.

Calhoun C. The Democratic Integration of Europe: Interests, Identity, and the Public Sphere // Europe without Borders: Re-Mapping Territory, Citizenship and Identity in a Transnational Age / Ed. by Berezin M., Schain M. Baltimore, 2003.

Communication and Class Struggle / Ed. by Mattelart A., Siegelau S. London, 1979.

Curran J. Rethinking the Media as a Public Sphere // Communication and Citizenship: Journalism and the Public Sphere in the New Media Age / Ed. by Dahlgren P., Sparks C. London, 1991. Pp. 27–57.

Dahlberg L. The Habermasian Public Sphere Encounters Cyber-Reality // Javnost — The Public. 2001. Vol. 8. No 3. Pp. 83–96.

Dahlberg L. The Habermasian Public Sphere: Taking Difference Seriously? // Theory and Society. 2005. Vol. 34. No 2. Pp. 111–136.

Dahlgren P. Information and Ideology in the Public Sphere // The Ideology of the Information Age / Ed. by Slack J., Fejes F. Norwood, 1987.

Democracy and Difference of the Political. Contesting the Boundaries of the Political / Ed. by Benhabib S. Princeton, 1996.

Democracy and the Mass Media / Ed. by Lichtenberg J. New York, 1990.

Doherty-Farina S. The Wired Neighborhood. New Haven, 1996.

Dryzek J.S. Deliberative Democracy and Beyond; Liberals, Critics, Contestations. Oxford, 2000.

Dryzek J.S., Niemeyer S. Reconciling Pluralism and Consensus as Political Ideals // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. No 3. Pp. 634–649.

Etzioni A. The New Golden Rule: Community and Morality in a Democratic Society. New York, 1997.

Fenton N., Downey J. Counter public spheres and global modernity // *Javnost — The Public*. 2003. Vol. 10. No 1. Pp. 15–32.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere // *Social Text*. 1990. Vol. 25/26. Pp. 56–80.

Fraser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // *Habermas and the Public Sphere*/ Ed. by Calhoun C. Cambridge, 1992. Pp. 109–163.

Friedland L. A., Hove T., Rojas H. The Networked Public Sphere // *Javnost — The Public*. 2006. Vol. 13. No 4. Pp. 5–26.

Furet F. Interpreting the French Revolution. Cambridge, 1981.

Garnham N. Capitalism and Communication: Global Culture and the Economics of Information. London, 1990.

Gerhards J. Diskursive versus liberale Öffentlichkeit: Eine empirische Auseinandersetzung mit Jürgen Habermas // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. 1997. Vol. 49. Pp. 1–34.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Öffentlichkeit. Neuwied/Berlin, 1962.

Habermas J. The Public Sphere: An Encyclopedic Article // *New German Critique*. 1974. Vol. 3. P. 49.

Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. Cambridge, 1990a.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft / New ed. with new foreword. Frankfurt, 1990b.

Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurs des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt-am-Main, 1992a.

Habermas J. Further Reflections on the Public Sphere // *Habermas and the Public Sphere* / Ed. by Calhoun C. Cambridge, 1992b.

Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, 1996.

Habermas J. Political Communication in Media Society — Does Democracy Still Enjoy an Epistemic Dimension? The Impact of Normative Theory on Empirical Research. Keynote address in the annual convention of the International Communication Association, June 20, 2006. Dresden, 2006.

Hardt H. The making of the public sphere: class relations and communication in the United States // *Javnost — The Public*. 1996. Vol. 3. No 1. Pp. 7–23.

Heikkilä H., Kunelius R. Journalists Imagining the European Public Sphere: Professional discourses about the EU news practices in ten countries // *Javnost — The Public*. 2006. Vol. 13. No 4. Pp. 63–80.

Hohendahl P. Critical Theory, Public Sphere and Culture: Jürgen Habermas and his Critics // *New German Critique*. 1979. Vol. 16. Pp. 89–118.

Hölscher L. Öffentlichkeit und Geheimnis. Eine begriffsgeschichtliche Untersuchung zur Entstehung der Öffentlichkeit in der frühen Neuzeit. Stuttgart, 1979.

Kantola A. Leaving Public Places: Antipolitical and Antipublic Forces of the Transnational Economy // *Javnost — The Public*. 2001. Vol. 8. No 1. Pp. 59–74.

Karppinen K., Moe H., Svensson J. Habermas, Mouffe And Political Communication. A Case For Theoretical Eclectism // *Javnost — The Public*. 2008. Vol. 15. No 3. Pp. 5–22.

Keane J. The Media and Democracy. London, 1991.

Keane J. Structural Transformations of the Public Sphere // *Communication Review*. 1995. Vol. 1. No 1. Pp. 1–22.

Kellner D. Television and the Crisis of Democracy. Boulder, 1990.

Kepplinger H. M., Martin V. Die Funktionen der Massenmedien in der Alltagskommunikation // *Publizistik*. 1986. Vol. 31. Pp. 118–128.

Kleinstüber H. J. Habermas and the Public Sphere: from a German to a European Perspective // *Javnost — The Public*. 2001. Vol. 8. No 1. Pp. 95–103.

Koivisto J., Väliverronen E. The Resurgence of the Critical Theories of the Public Sphere // *Journal of Communication Inquiry*. 1996. Vol. 20. No 2. Pp. 18–36.

Kunelius R., Sparks C. Problems with a European Public Sphere. An Introduction // *Javnost — The Public*. 2001. Vol. 8. No 1. Pp. 5–20.

Le Mahieu D.L. A Culture for Democracy: Mass Communication and the Cultivated Mind in Britain between the Wars. Oxford, 1988.

Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung // *Luhmann N. Soziologische Aufklärung*. Vol. 5: Konstruktivistische Perspektiven. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990. Pp. 170–182.

Mancini P., Swanson D. L. Politics, Media, and Modern Democracy: Introduction // *Politics, Media, and Modern Democracy. An International Study of Innovations in Electoral Campaigning and their Consequences* / Ed. by Swanson D. L., Mancini P. Westport, 1996. P. 1–26.

Mansbridge J. et al. Norms of Deliberation: An Inductive Study // *Journal of Public Deliberation*. 2006. Vol. 2. No 1. Article 7.

Margolis M., Resnick D. Politics As Usual // *Contemporary American Politics* / Ed. by Sinclair B. Thousand Oaks, 2000.

McQuail D. *McQuail's Mass Communication Theory* / 5th ed. London, 2005.

Mitchell C. Women's (Community) Radio As a Feminist Public Sphere // *Javnost — The Public*. 1998. Vol. 5. No 2. Pp. 73–85.

Mouffe C. The Return of the Political. London, 1993.

Mouffe C. The Democratic Paradox. New York, 2000.

Mouffe C. On The Political. London, 2005.

Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: Toward an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. Minneapolis, 1993 [1972].

Nieminen H. Hegemony and the Public Sphere. Essays on the Democratisation of Communication // *Working Papers of University of Turku, School of Art, Literature and Music, Department of Media Studies. Series A*. 2000. № 44.

O'Donnell S. Analysing the Internet and the Public Sphere: The Case of *Womenslink* // *Javnost — The Public*. 2001. Vol. 8. No 1. Pp. 39–58.

Öffentlichkeit: Geschichte eines kritischen Begriffs / Hrsg. v. Hohendahl P. U. Stuttgart, 2000.

Peters J. Distrust of Representation: Habermas On The Public Sphere // *Media, Culture and Society*. 1993. Vol. 15. No 4. Pp. 541–571.

Peters J., Cmielec K. Media Ethics and the Public Sphere // *Communication*. 1991. Vol. 12. Pp. 197–215.

Poster M. The Second Media Age. Cambridge, 1995.

Poster M. Cyberdemocracy: Internet and the Public Sphere // Internet Culture / Ed. by Porter D. New York, 1997.

Sassi S. The network and the fragmentation of public sphere // Javnost — The Public. 1996. Vol. 3. No 1. Pp. 25–41.

Scannell P. Public Service Broadcasting and Modern Public Life // Media, Culture and Society. 1989. Vol. 11. No 2. Pp. 135–166.

Schedler A. Antipolitics. Closing and Colonizing the Public Sphere // The End of Politics? Explorations into Modern Antipolitics / Ed. by Schedler A. London, 1997. Pp. 1–20.

Scheufele D. A. Deliberation Or Dispute? An Exploratory Study Examining Dimensions of Public Opinion Expression // International Journal of Public Opinion Research. 1999. Vol. 11. Pp. 25–58.

Schoenbach K., Becker L. B. Origins and Consequences of Mediated Public Opinion // Public Opinion and the Communication of Consent / Ed. by Glasser T. L., Salmon C. T. New York, 1995. Pp. 323–347.

Schulz W. Changes of Mass Media And The Public Sphere // Javnost — The Public. 1997. Vol. 4. No 2. Pp. 57–69.

Schulz W., Blumler J. G. Die Bedeutung der Kampagnen für das Europa-Engagement der Bürger: Eine Mehr-Ebenen-Analyse // Wahlen und Europäische Einigung / Hrsg. v. Niedermayer O., Schmitt H. Opladen, 1994.

Semetko H. A., Schoenbach K. Germany's 'Unity' Election: Voters and the Media. Cresskill, 1994.

Stromer-Galley J. New voices in the public sphere: a comparative analysis of interpersonal and online political talk // Javnost — The Public. 2002. Vol. 9. No 2. Pp. 23–42.

Taylor C. Modern Social Imaginaries. Durham, 2004.

The European Union and the Public Sphere / Ed. by Fossum J. E., Schlesinger P. London, 2007.

Ward D. The Democratic Deficit and European Union Communication Policy: An Evaluation of The Commission's Approach to Broadcasting // Javnost — The Public. 2001. Vol. 8. No 1. Pp. 75–94.

White C. S. Citizen Participation and the Internet: Prospects for Civic Deliberation in the Information Age // The Social Studies. 1997. Vol. 88. Pp. 23–28.

Wimmer J. Counter-public spheres and the revival of the European public sphere // Javnost — The Public. 2005. Vol. 12. No 2. Pp. 93–109.

Young I. M. Inclusion and Democracy. Oxford, 2002.